

Миллер Артур

21.08.02
210

Реальный образ мнимого воскрешения

Известия
2002
21 авг. - 08

Премьера новой пьесы Артура Миллера

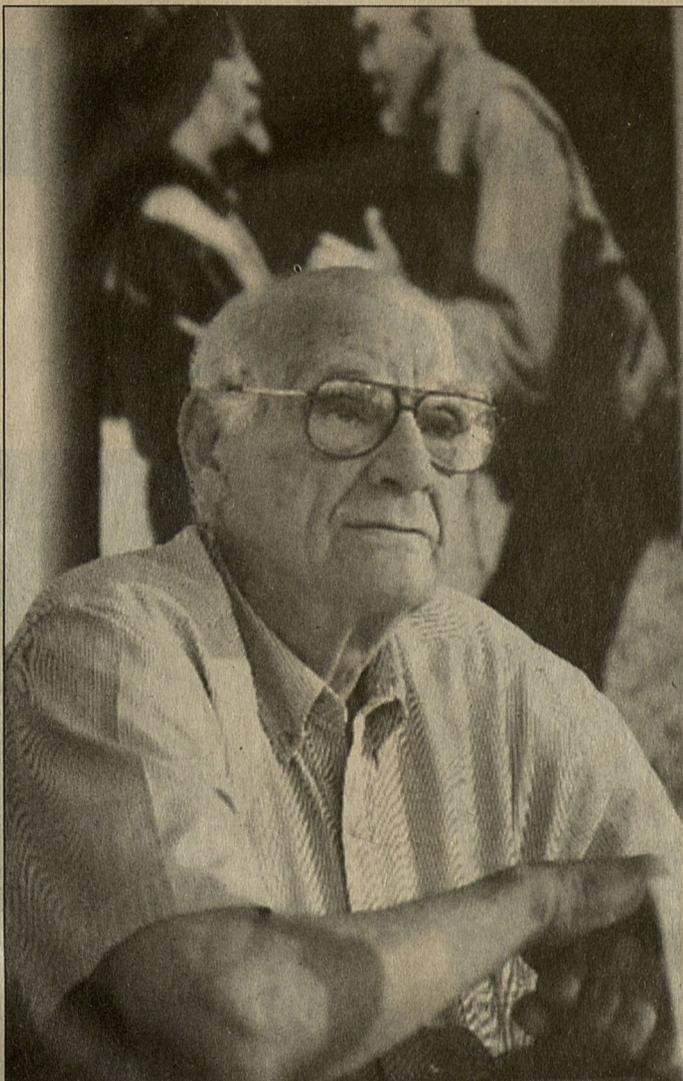
В Миннеаполисе на сцене знаменитого драматического театра «Гатри» состоялась мировая премьера новой пьесы великого американского драматурга Артура Миллера «Блюз Воскрешения» (Resurrection Blues). Миллер вновь потрянул стариной, показав, что у него есть еще порох в творческих и гражданских пороховницах, несмотря на то что в октябре ему исполнится 87 лет. Мне удалось встретиться и поговорить с мэтром мировой драматургии.

Мэлор СТУРУА

Артур Миллер не любит (говорит, что «не умеет») объяснять и интерпретировать свои пьесы. Уже стал легендой ответ драматурга на вопрос, о чем его пьеса «Смерть коммивояжера». Он сказал: «Она о коммивояжере, который умер». О «Блюзе Воскрешения» Миллер говорит чуть-чуть поподробнее. В своем обращении к зрителям, которое воспроизводится в программке спектакля, он пишет: «Блюз Воскрешения» — сатирическая комедия, вы должны смеяться. Я вынужден объяснять людям это, ибо когда они смотрят мои пьесы, они запрещают себе смеяться». А уже в беседе со мной добавляет: «Если они не смогут смеяться над этим, то это будет означать, что у них не все в порядке». (Забегая вперед, скажу, что смеха на премьере было предостаточно.)

В «Блюзе Воскрешения» Миллер снова обрушивается на капиталистическое общество — на его политику и экономику, религию и масс-медиа, на его коррумпированную мораль и обветшавшие ценности. Действие происходит в одной неназванной латиноамериканской стране, где к власти пришла генеральская хунта, поддержанная Вашингтоном. Насилие и наркобизнес правят страной; 2 процента населения владеют 96 процентами национального богатства. (Кстати, в США 1 процент населения владеет 40 процентами национального богатства страны.) Крестьянское сопротивление выдвигает из своих рядов лидера, в котором народ видит мессию. Генерал-диктатор бросает вожжа революции в тюрьму. Он замыслил для него ужасную смерть — публичную казнь через распятие на кресте. Объясняя свое решение, генерал говорит: «Расстрелы уже не действуют. Людей убивают таким образом на телевидении каждые десять минут. Банг-банг — и они падают, как куклы. Это уже бессмысленно».

Прослышав о таком решении диктатора, некое нью-йоркское рекламное агентство предлагает ему 25 миллионов долларов за эксклюзивное право показать казнь по американскому телевидению, ход которой будет прерываться исключительно дорогостоящей рекламой. Диктатор охотно соглашается, чтобы «поправить экономическое положение страны» и в первую очередь обогатить самого себя. Группа телевизионщиков во главе с циничным про-

Артур Миллер на пресс-конференции говорил о своей новой пьесе долго и обстоятельно

дюсером высаживает десант в этой злополучной стране и начинает подыскивать подходящий фон для казни. Фон находят. Это величественные горные вершины, покрытые вечными девственными снегами. Но узник совершает побег, пройдя сквозь стены темницы, как бы подтверждая тем самым свое божественное происхождение. Продюсер взбешен, он обвиняет диктатора в нарушении контракта. Диктатор обещает ему схватить беглеца. Одни ищут его, другие размышляют о том, кто он — простой смертный или новый Иисус Христос, «хотя и не еврей»...

О сюжете пьесы Миллер говорит так: «Абсурдность жизни, которая существует вокруг меня, настолько велика, что единственная возможность сладить с ней состояла в том, чтобы найти в ней нечто возмутительно смешное».

Идея написания «Блюза Воскрешения» родилась у Миллера в начале 80-х годов после посещения Колумбии. Революция была подавлена. Страна оказалась в руках военных, которую натаскивал ЦРУ, и наркобаронов. В Колумбию широким потоком хлынули «американские ценности», а обратно (столь же широко потоком) — наркотики. И вот Вашингтон тратит на военную помощь Колумбии 1,3 миллиарда долларов, и еще 1,7 миллиарда — на борьбу с ее наркоторговлей ежегодно. «В это же время еже-

годные ассигнования конгресса на искусство составляют 97,6 миллиона долларов», — как бы между прочим замечает Миллер.

Корень зла, по Миллеру, в деньгах. «Это абсолютно безумное поклонение деньгам ведет к поголовному убийству», — говорит драматург устами одного из своих героев в «Блюзе Воскрешения». Миллер разочарован в марксизме, но капитализм он ненавидит.

Я говорю Миллеру о провидческом характере его сатиры. «Здесь не нужна сила предвидения, достаточно смотреть на вещи открытыми — без шор — глазами», — отвечает он. Беседа незаметно перескакивает на нынешнюю Россию. Я говорю, что и у нас происходит приватизация Думы и Конституционного суда, но не олигархами, а исполнительной властью. «Значит, у вас все еще впереди», — усмехается Миллер.

В Соединенных Штатах сейчас вновь модны миллеровские пьесы. На Бродвее одновременно идут две — «Сейлемские колдуньи» и «Человек, обладавший всем счастьем на земле». Но между Миллером и Бродвеем пробежала черная кошка. «Бродвей уже не создает ничего оригинального и стоящего», — говорит драматург. Дороговизна постановок заставляет извращать идеи пьес, менять их эстетику. Для оригинального театра Нью-Йорк стал руинами».

Но в случае с «Блюзом Воскрешения» речь шла не только о «миллионе долларов». Эта пьеса слишком уж эссенциальна для Бродвея, в особенности сейчас, когда в воздухе Нью-Йорка еще не рассеялся запах гари от разрушенных 11 сентября небоскребов. Но этот запах не вызвал у Артура Миллера патристического угара. Правда, был момент, когда он заколебался и чуть было не решил положить пьесу на полку. Однако режиссер Дэвид Эсбьернсон и еще несколько ближайших друзей автора убедили его не делать этого. Они говорили ему, что Америка нуждается в более глубоком осмыслении феномена 11 сентября, «чем обозначивание Томом Крузом толстосумов с просьбами раскошелиться в пользу жертв террора», как сказал мне Дэвид.

После того как отпал Нью-Йорк, как-то само собой возник Миннеаполис. Во-первых, штат Миннесота, пожалуй, самый демократичный штат Америки. Во-вторых, в Миннеаполисе находится театр «Гатри» — единственный провинциальный театр в США, обладающий национальным статусом.

Свою первую пьесу Миллер написал в 1935 году — через 29 лет после смерти Ибсена и через 23 года после смерти Стриндберга. Миллер и их современник, и наш. Годы, естественно, наложили свой отпечаток на мастера. Его лицо, морщинистое даже в молодые годы, стало еще более рельефным, приобрело библейские черты. Годы не сторбили его высокую фигуру, но он несколько отяжелел. Это уже не тот стройный Миллер, которого мы помним в ковбойской рубашке и джинсах стоящим рядом с Мэрилин Монро. Он садится за столик и терпеливо предоставляет себя в распоряжение репортеров. Он серьезен, вежлив, предупредителен. Но он устал. «Драматург должен быть крепким, как аллигатор. Он должен уметь проглатывать даже велосипеды, пережевывать и переваривать их», — говорит Миллер. Но сегодняшняя усталость — хорошая усталость. «Постановка новой пьесы — это словно новый шанс, который тебе дарует жизнь», — говорит Миллер. — Это новый шанс отмыться от недостатков. Ты начинаешь чувствовать себя молодым, и тебе все кажется по плечу. Даже величие. Даже счастье».

Я говорю ему о том, что его пьесы ставились у нас, пожалуй, чаще, чем где-либо за пределами Соединенных Штатов, как шекспировские — за исключением Англии. Мастер явно польщен и не скрывает этого. Я говорю, что его пьесы шли у нас даже при коммунистическом режиме под соусом «разоблачения американского образа жизни». Мастер улыбается: «Неплохой соус!» Я спрашиваю Миллера, связывался ли кто-нибудь с ним по поводу постановки «Блюза Воскрешения» на российской сцене. «Пока что нет», — отвечает он. «Тогда ждите». Глаза Миллера за очулярами иронически сужаются: «С соусом или без?»